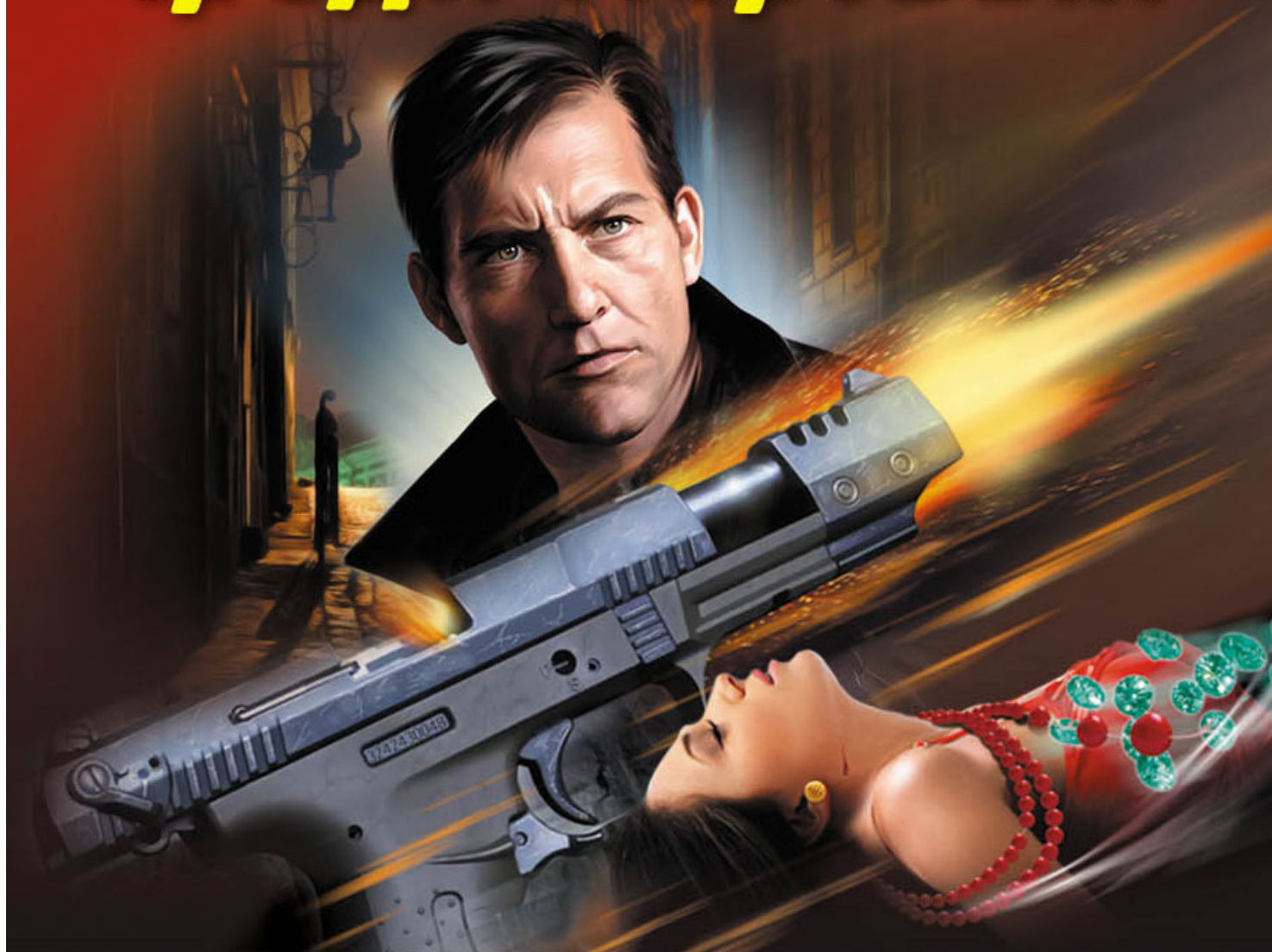

Николай
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

Лучший среди мертвых

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Полковник Гуров

Николай Леонов

Лучший среди мертвых

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Леонов Н. И.

Лучший среди мертвых / Н. И. Леонов — «Эксмо»,
2018 — (Полковник Гуров)

ISBN 978-5-04-094256-5

В заброшенном доме обнаружено десять трупов бомжей, отравившихся паленой водкой. На первый взгляд – обычная история социального дна. Однако сыщикам Гурову и Крячко удастся установить, что в числе погибших оказался и преуспевающий адвокат Роман Камов. Факт странный и даже абсурдный. Значит, это все-таки хорошо замаскированное убийство, целью которого было незаметно убрать юриста. Когда следователи нашли в тайнике погибшего документы, уличающие местные власти в тесной связи с криминалом, мотивы преступления начали обретать ясные очертания...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-094256-5

© Леонов Н. И., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	24
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Николай Леонов, Алексей Макеев

Лучший среди мертвых

© Макеев А., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Глава 1

Двухэтажный дом стоял особняком от основных строений подмосковного городка. Он был давно заброшен: серые обшарпанные стены, увитые ползучим виноградом, провалившаяся крыша, крыльцо с единственной ступенькой, чудом уцелевшей после набега местных жителей. В былые времена он наверняка выглядел куда презентабельнее, остатки перил все еще хранили воспоминания об умельце, старательной рукой вырезавшим на податливом дереве витиеватые узоры. Теперь же дом ни на что не годился, его не снесли лишь потому, что у местных властей не доходили до этого руки. Единственным помещением, которое все еще сохранило стены и пол в приличном состоянии, был подвальный этаж. Северная стена частично рассыпалась, открывая доступ ветру и дождю, в остальном же это было идеальное место для летнего отдыха. Не столичных пижонов, конечно. Для людей без определенного места жительства, проще сказать, для бомжей. Своего рода загородное поместье на теплый период. Должны же и бомжи где-то отдыхать.

В чем заключается отдых людей без рода, без племени? В дешевой выпивке и пустых разговорах. Если с первым случаются перебои, то со вторым проблем не возникает. Язык на месте, отчего не побалагурить?

На старом продавленном диване сидел дряхлый старик, мусолил в зубах добытый на столичной помойке мундштук, в который была вставлена сигарета, и зычным голосом бывшего партийного работника разглагольствовал:

– Я вам так скажу, друзья-товарищи: наклюнулась халява – нечего от нее нос воротить. Это только для толстосумов годится. Им, что ни подай, все негоже. Пойло они подбирают не по марке или вкусовым качествам, а по красоте этикетки да по количеству бабла, которое за него нужно отвалить. Что это за выбор, спросите вы? Я вам отвечу: дерьмо это, а не выбор. Довелось мне как-то принимать одного польского посла, тогда все были помешаны на сплочении государств, не знаю, на кой хрен им это было нужно, но так уж повелось. Жрачки тогда наготовили, на два полка хватило бы, а с питьем – проблема. Стоят мои соратники возле стола, бутылки перебирают. «Хванчкара», «Киндзмараули», коньяк пятизвездочный. Надо бы лучше, да некуда, но им все не то. Беленькую поставить? Или за шипучкой на склад послать? А посол уже в городе, красотами столичными любитесь. И так уж вышло, что встречать его и к столу препровождать меня отправили. Я ему: «Пойдем, господин хороший, отобедаем». А он: «Хочу глубинку посмотреть». Это он наши подмосковные колхозы глубинкой называл. Наивный. Телефонов карманных тогда и в помине не было, ну, я и решил проблему сам. Повез его в один из колхозов, завел к мужику в дом, тот с семьей жрачку на стол наметал, по русскому обычаю. Помялся малость, а потом бутыль на стол – бах! Чистейший самогон. Вот, скажу я вам, была встреча! Не ваши «мараули» да «хванчи». Эх и погудели тогда!

– За это тебя из партии и поперли, Тесик. За твою самостоятельность, – вставил неопределенного возраста мужичок, развалившийся на соломенном тюфяке.

Таких тюфяков в подвале было навалено немало, но ни один из них не пустовал. Компания в подвале подобралась веселая. С десятков мужиков устроились вдоль стен. Время от времени наполняя граненые стаканы, наследство от прежних хозяев, выпивали, закусывали крепкими яблоками, уворованными по окрестным садам, и слушали разглагольствования старика.

– Твоя правда, Калмык. – Старик отложил в сторону мундштук, огладил седую бороду. – В один день судьбу мою решили. Хорошо еще, что не вздернули. Но оно того стоило, видел бы ты того польского посла наутро! Рожа помятая, волосы всклокоченные, глаза из орбит лезут. А уж как желудок выворачивало, вспомнить страшно. Помер бы посол, не заставь я его опохмелиться.

– Так ты ему жизнь спас, так, что ли, Тесик? – Долговязый мужик лениво поднялся с тюфяка, желая видеть реакцию старика. – Ты у нас спаситель государственных гостей, верно?

– А ты зубоскаль меньше, Фикса, – ухмыльнулся Тесик. – Забыл, что пять лет как зуб золотой пропил? Налей-ка лучше чарку старику.

– Это мы завсегда рады. – Фикса двинулся к центру комнаты, где на расстеленной газете красовался «гвоздь программы» – двадцатилитровая канистра чистого спирта. – Тебе как, с разводочкой или чистогана?

– Обижаешь старика, – хмыкнул Тесик. – С примесями пусть бабы пустоголовые пьют, а правильные мужики до самой смертушки чистяк употребляют.

– Как бы твои слова пророческими не оказались, – вступил в разговор щуплый мужичок, примостившийся у выхода. – Упьемся до смерти дармовым пойлом, помяните мое слово.

– Хорош дристать, Щуплый, – оборвал его Фикса. – Старик верно говорит: от халявы только идиоты отказываются. Да и за ради чего ему нас травить?

– И все равно, подозрительно это. – Щуплый перебрался поближе к старику. – Подумай сам, Тесик, с какого перепугу этому сытому пижону нас задарма поить?

Тесик принял из рук Фиксы наполненный до краев стакан, в три глотка осушил его и только после этого ответил:

– Больно ты подозрительный, Щупик. Видно, жизнь тебя била, да не добила. Я тебе так скажу: встречаются и среди богачей лохи, а наш благодетель как раз из таких. За что он нам канистру выкатил, помнишь? Дело для него должны сделать. Фундамент рыть – не кишки полоскать, на это время нужно и бабла немерено. Сэкономить мужик решил, что в этом зазорного? А что авансом платеж произвел, так от недостатка ума, вот что я тебе скажу. Решил, что работа спориться быстрее будет, если он нас заранее ублажит. А ты насочинял себе всякого, людям праздник портишь.

– Вот и я про то же. Спиртяга у него халявная, работа не срочная, почему бы не уважить людей? – вступил в разговор Калмык. – Сегодня покутим, завтра он нас на объект перебросит, мы за сутки ему такую траншею сварганим, экскаватор позавидует.

– Ага, сварганим. А он нам за это еще канистрочку. Лепота! – Фикса наполнил свой стакан. – Давай посудину, Щуплый. В компании и помирать веселее.

– А! Где наша не пропадала, лей, Фикса! – протянул стакан Щуплый. – Двум смертям не бывать, а одной не миновать.

– Слышь, Щуплый, кончай бабу с косой поминать! Накаркаешь! – прорычал из угла белобрысый мужик. Он лежал лицом к стене, прижав руки к животу, лицо его сводила судорога. – Налей и мне, что ли, Фикса. Живот что-то прихватило. Может, выпью и полегчает.

– Тащи свою задницу сюда и стакан прихвати. Полечим твои колики. – Фикса подхватил канистру за ручку, потряс в воздухе: – Две трети осушили, слышь, Секач? Поторопился бы, а то на лечение не останется.

С полчаса в подвальном помещении стояла тишина. Тесик после выпитого стакана вырубился. Привалился бочком к разбитому подлокотнику и затих. Фикса устроился прямо на полу возле канистры, Щуплый отполз обратно к выходу. Калмык наблюдал за Секачем. Выпив стакан, тот вернулся на свой тюфяк, скрючился в углу и больше голос не подавал. Еще через двадцать минут Калмык схватился за голову, боль разрывала череп, будто по нему кувалдой били.

– Фикса, ты как, живой еще? – с трудом шевеля губами, спросил Калмык. – Что-то ты бледный какой-то.

Ответить Фикса не успел, у него началась жестокая рвота. Спазмы буквально выворачивали наизнанку желудок. Он потянулся к ведру с водой, рука скользнула по краю, опрокидывая посудину, вода растеклась по земляному полу. Рука Фиксы дважды дернулась и застыла. Калмык попытался встать с тюфяка, чтобы помочь приятелю, но все, на что оказался способен, это чуть приподняться над полом.

– Фикса, ты уж как-нибудь сам. Я немного посплю, а потом помогу тебе, – прошептал он и отключился.

Когда спустя сутки в заброшенный дом забрели грибники, их глазам предстала ужасная картина. Десяток обросших, пропахших мочой и рвотой бомжей лежали вповалку на полу. Все они были мертвы. Грибников из подвала как ветром сдуло. Справившись с позывами желудка, один из них достал сотовый телефон и набрал номер участкового.

Участковый примчался спустя десять минут. Заглушив двигатель, вышел из машины и направился к грибникам. Немецкая овчарка, питомица одного из грибников, повернувшись мордой к дому, исходилась лаем.

– Толик, угомони свою суку! – сердито прикрикнул участковый.

– Да как ее угомонишь, когда там такое, – обмахивая зеленое от пережитого ужаса лицо, проворчал Толик. – Ты бы, Сергей Николаевич, сам взглянул на тот ужас, небось тоже залаял бы.

– Что там у вас?

– Трупешники там, – подал голос второй грибник. – И не у нас, а у тебя, гражданин начальник.

– Ладно, Вовчик, разберемся, – стараясь придать солидности голосу, пробасил участковый. – Рассказывайте по порядку, как вы их обнаружили.

– Мы с Толиком за грибами пошли. Раненько вышли, Найду с собой взяли, собаке прогулки полезны, – начал рассказывать Вовчик. – Грибов, сам видишь, почти нет, корзины и до половины не добрали. Решили вернуться другой дорогой. На опушке бывают скопления опят, думали, здесь больше повезет. Как только к опушке вышли, Найда в лай. Без поводка была, рванула сюда. У пролома встала как вкопанная и выть. Жуть просто!

– Ближе к делу, Вовчик! – поторопил участковый.

– Куда уж ближе, – фыркнул тот. Участковый ему не нравился, много спеси, а на деле полный ноль.

– Давай без твоих привычных пофыркиваний, – огрызнулся участковый. С Вовчиком у них была взаимная неприязнь, потому он обратился к Толику. – Кто в подвал заходил, ты или он?

– Оба заглядывали, – ответил Толик. – Найда, как мы ближе подошли, заскочила в пролом. Я за ней. Потом и Вовчик.

– И что там?

– Слушай, кто из нас участковый? – вспыхнул Вовчик. – Зайди сам, так и увидишь. Пословицу знаешь? Лучше один раз увидеть...

– Не умничай, Вовчик! – оборвал его участковый. – Стойте здесь, никуда не уходите. Вы – главные свидетели, мне с вас еще письменные показания снимать. – И, поправив фуражку и положив руку на кобуру, направился в пролом.

Минуты не прошло, как он выскочил из здания и понесся за угол. А когда вышел оттуда, лицо его было белее мела.

– Ты, часом, не в обморок ли собрался? – спросил Вовчик, озабоченно глядя на него. – Слышь? Ты это брось! Водички вот попей, оклемаешься.

Участковый благодарно принял бутылку минералки из рук грибника, прополоскал рот, полил на затылок и охрипшим голосом произнес:

– Отправляйтесь домой, потом вас вызову.

– А ты? – спросил Толик.

– Столичных вызову, здесь ждать буду. Место происшествия охранять нужно, а то еще кто-то забредет. Мало ли вас, грибников да охотников, в этих местах таскается. И держите рот на замке, если неприятностей не хотите.

Спорить мужики не стали. Толик свистом подозвал собаку, подхватил корзину и вместе с Вовчиком зашагал к поселку.

На место выслали оперативную бригаду из столицы. Те прибыли в кратчайшие сроки. Оперативники, эксперты-криминалисты, даже бригаду эпидемиологов пригнали. Шутка ли – столько трупов в одном месте. Спустя час примчались вездесущие журналисты: грибки языки развязали, а новости в глубинке расходятся быстро. К тому времени у заброшенного здания уже собралась толпа зевак. Журналисты начали снова вокруг здания, приставать с вопросами к местным жителям, пытались вызвать на откровенность сотрудников правоохранительных органов. Сколько те ни урезонивали «акул пера», уходить они не собирались. Съёмочная группа новостного телеканала старалась вовсю. Дом был снят со всех ракурсов, не упустили и момент, когда тела начали выносить из подвала и сгружать в «труповозку». Официальных заявлений никто из оперативников не делал, но на сенсационный репортаж материала и так хватило. К полудню возле заброшенного здания остался только участковый, да и то лишь для того, чтобы разгонять чересчур любопытных местных жителей.

– Вот, полюбуйтесь! Писаки расстарались.

В кабинете генерал-лейтенанта Петра Николаевича Орлова в это утро было многолюдно. Весь высший состав Главного управления МВД столицы собрался. «Начальник устраивал головомойку подчиненным», как выражался в таких случаях полковник Гуров, друг и соратник Орлова. Сам Орлов уже успел побывать у вышестоящего начальства и теперь «выпускал пар»:

– Читай, Гуров, ты у нас мужик грамотный, донеси до умов здесь присутствующих, какими эпитетами награждают наши структуры господ журналисты, – подтолкнул он утренний выпуск местной газеты в сторону полковника.

Тот неспешно поднял ее, развернул – на первой полосе крупным шрифтом был набран заголовок: «Подмосковные бомжатники: куда смотрит полиция?» – и иронично спросил:

– С выражением, товарищ генерал?

– Можешь даже в лицах, – парировал Орлов. – Читай, Лева, не тяни резину.

– «Трагедия в пригороде столицы шокировала население всей страны, – начал Гуров. – В пустующем доме, давно требующем сноса, найдены трупы десяти человек. Трагедия развернулась глубокой ночью, и лишь бдительность местных грибников позволила оперативникам «оперативно» прибыть на место происшествия. Сколько тела пролежали бы в заброшенном здании, не окажись на месте происшествия грибки с собакой, остается лишь гадать. По предварительным данным, идентифицировать тела полиции не удалось. Да и будут ли их идентифицировать? Версия из официальных источников сводится к тому, что граждане без определенного места жительства собрались в подвале заброшенного дома для распития спиртного сомнительного происхождения. Прежняя версия о возникшей эпидемии, унесшей жизни десяти людей, не подтвердилась, и это само по себе является хорошей новостью. Но не для тех, кто умер в том страшном месте. Станут ли правоохранительные органы внимательнее относиться к подобного рода притонам? Будут ли власти реагировать на столь вопиющие случаи равнодушия к человеческой жизни? Десять членов нашего общества, попав в стесненные жизненные обстоятельства, были предоставлены сами себе. Вот что на самом деле привело к трагедии. Не метиловый спирт, обнаруженный в подвале, унес жизни тех людей. Равнодушие властей и соответствующих структур – вот истинная причина их смерти. А ведь среди тех, кто расстался с жизнью всего сутки назад, могли быть ваши родственники. Друзья, коллеги, соседи. Все, кто неравнодушен, кто желает оздоровления нашего общества, требуйте опознания погибших! Требуйте достойных похорон для тех несчастных, имена которых до сих пор неизвестны, и тогда...»

– Довольно! – оборвал чтение на полуслове генерал. – Общая картина вам ясна. Правоохранительные органы в лице местного участкового допустили возникновение притона и чуть ли не собственноручно угробили десяток чистейших людей. Таково общественное мнение.

– Чего же они раньше молчали? – проворчал подполковник Седых из управления дознания. – Сами-то где были? Или в их обязанности не входит защищать живых?

– Ты, Иван Степанович, помолчи! – обратился к нему один из офицеров. – Сейчас не о них речь.

– Да что вообще об этом говорить? Померли бомжи, туда им и дорога.

– Сами себя опоили, а полиция виновата.

– Чище город будет!

Собравшиеся высказывались, поддерживая мнение Седых. Орлов дал им выговориться, после чего хлопнул ладонью по столу и отчеканил:

– Вот об этом в газете и пишут. Бомжи – значит, и думать о них не стоит. А ведь эти самые бомжи когда-то были полноправными членами общества. Быть может, вашими коллегами, соседями. В этом нас и обвиняют!

– Что мы-то можем сделать? – за всех задал вопрос полковник Крячко.

– Всем подразделениям заучить наизусть список примет каждого из погибших в заброшенном доме бомжей, прогнать по всем базам, опросить каждого жителя Москвы, но к концу месяца выдать мне список фамилий пострадавших. Такой список, который мы могли бы предъявить журналистам, – заявил генерал. – И никаких отговорок! Задача ясна?

– Товарищ генерал, у нас и без бомжей дел невпроворот, – проговорил Седых, – куда еще и это?

– Все туда же, Седых, все туда же, – остывая, произнес Орлов. – Ладно, закончим на этом. Будут подвижки, докладывайте.

Сотрудники цепочкой потянулись из кабинета. Генерал провожал их усталым взглядом.

– Гуров, Крячко, задержитесь! – вдруг сказал он.

Оба полковника вернулись к столу. Орлов дождался, когда кабинет опустеет, и, ослабив узел галстука, снова заговорил:

– Достали эти чертовы писаки! Теперь начальство отчетами задолбают.

– Крепко приложили? – намекая на беседу в верхах, спросил Гуров.

– Не то слово. Президента так не оплакивали, как этих бомжей.

– Дались они им, – проворчал Крячко. – Если бы не журналисты, даже не дернулись бы. Защитники.

– Твоя правда, Стас, – согласился Орлов. – Но так уж карты легли. По новостному каналу каждый час призыв крутят: требуйте опознания! С кого требовать-то? По домам ходить?

– Пустое это все, – смахнул со стола газету Лев. – Очередная сенсация и только. Появится новый материал, про бомжей мигом забудут.

– Хорошо хоть не эпидемия, – хмыкнул Крячко. – Вот бы был номер, если бы эпидемиологи там какую-то заразу обнаружили. Тогда нам точно хана.

– Оставим журналистов, – поморщился генерал. – Ты, Лева, покопайся в приметах. Память у тебя отменная, а на телах этих несчастных наколок больше, чем в тату-салоне. Есть и зоновские. Вдруг да вспомнишь имя владельца? Как у тебя с текучкой?

– По замоскворечному убийце дело передали в прокуратуру. Осталась пара отчетов по вымогателю и еще кое-что по мелочи, – отчитался Гуров. – Не переживай, Петр Николаевич, взгляну я на твои приметы.

– Вот и славно! Идите, парни, работайте. Мне еще доклад для «вышек» готовить, – махнул рукой Орлов, отпуская оперативников.

Гуров и Крячко вернулись в кабинет. Списки с приметами найденных тел лежали у каждого на столе, дежурный расстарался, распечатал в двух экземплярах. Не откладывая дело в долгий ящик, Гуров занялся изучением списков. Крячко последовал его примеру. Впрочем, нудное занятие Стасу быстро наскучило. Он отшвырнул от себя бумаги, вскочил со стула и, зашагав по кабинету, принялся разглагольствовать:

– Не понимаю я этих журналюг, чего им неймется? Ну, померли бомжи. Отравились суррогатом, так теперь их что, в ранг святых возводить?

– Тебе же сказано: они – полноправные члены общества, – наставительно произнес Лев. – Надо хотя бы попытаться.

– Мне одно непонятно, как они умудрились все сразу упиться? Ведь эта дрянь на всех по-разному действует, верно? – Крячко остановился в центре комнаты, ожидая подтверждения.

– Так уж сложилось, – пожал плечами Лев. – Послушай, вот это тебе о чем-то говорит? Два скрещенных клинка между большим и указательным пальцами. Что-то смутно знакомое, не могу вспомнить.

– Ни о чем мне это не говорит, – взбрыкнул Станислав. – Не собираюсь я на них свое время тратить. Кто они такие в конце концов? Налоги не платили, пользу обществу не приносили, значит, и у меня перед ними никаких обязательств нет.

– Не ворчи, Стас, другу помочь надо, – остановил его Гуров. – Одного опознаем – уже дело.

– Ладно, давай попытаемся. – Крячко остыл так же быстро, как вспылел. – Показывай свои клинки, может, что и вспомнится.

Гуров сидел в кафетерии в двух кварталах от Управления и вяло ковырял вилкой куриный салат. Рабочий день закончился, а вместе с ним и нудное копание в бумагах. Всю неделю он занимался отчетами, рапортами и неизменной работой над идентификацией подмосковных «жмуриков», отчего к выходным глаз настолько замылился, что буквы в отчете патологоанатомов, описывающих особые приметы умерших бомжей, стали сливаться в одну сплошную черную линию. Понедельник не принес ничего нового. Гуров убрал список в стол с твердым намерением больше к нему не притрагиваться. Шесть дней убито на заранее проигрышное дело. С него хватит, пусть журналисты пишут что угодно, он к спискам больше не притронется. Крячко уехал в следственный изолятор на беседу с подозреваемым, а Лев отправился домой. Его жена, Мария, актриса Московского театра, уехала на гастроли, потому он решил не заморачиваться приготовлением ужина, а перекусить в кафе.

– Простите, вы – полковник Гуров?

Гуров оторвал взгляд от вялых листьев салата. Перед ним стояла женщина. На вид лет сорок-сорок пять, довольно миловидная. Приятная фигура, одежда хоть и не дорогая, но подобрана со вкусом. Аккуратная стрижка. Про таких говорят: все при ней. Вот если бы не взгляд... Глаза женщины излучали не просто печаль, они излучали вселенскую скорбь.

– Простите, вы – полковник Гуров? – не дождавшись ответа, повторила вопрос женщина. – Я слышала, как к вам обращался человек из Управления.

Гуров вспомнил, что перед уходом из Главка беседовал на крыльце с одним из оперативников.

– Вы за мной следили? – удивленно поднял брови Лев. – Странное занятие для женщины.

– Не настолько странное, как может показаться со стороны, – заметила женщина. – Разрешите присесть?

– Если вам угодно, – церемонно произнес он, отставляя свободный стул, чтобы женщине было удобнее садиться.

– Мое имя Ольга Камова. Оно вам ни о чем не говорит, я понимаю, но мне просто больше не к кому обратиться, – едва присев, заговорила женщина. – Я узнала про вас от одного человека. Случайно.

– И что же вы обо мне узнали?

– Что вы человек чести, – просто ответила Ольга. – А мне сейчас не помешает помощь.

– Какого рода помощь вам нужна, спрашивать глупо, – заметил Гуров. – Раз вы знаете, что я полковник полиции, значит, у вас или у кого-то из ваших родственников проблемы с законом.

Следовательно, вы хотите, чтобы я посодействовал вам. Но, боюсь, вы напрасно потратили время, выслеживая меня. Я не занимаюсь делами, не относящимися к моей непосредственной трудовой деятельности. Я не частный сыщик, не адвокат и даже не Бэтмен, спасающий людей.

– Бэтмен мне не поможет, – едва заметно улыбнулась Ольга. – Адвокат тоже, а насчет сыщика, вряд ли я могу себе его позволить.

– Так вот почему вы обратились ко мне, – протянул Лев. – Кто-то сказал вам, что полковник Гуров работает задаром, и вы решили сэкономить?

Настроение у него было неважное, и он даже не пытался быть вежливым. «Проклятые доброхоты! – подумалось ему. – Отправляют ко мне всех, кого ни попадя. Гуров поможет, Гуров справится и даже денег за помощь не потребует. Сейчас она начнет свою душещипательную историю о том, как ее брата или любовника несправедливо обидели правоохранители, и защитить того сможет только полковник Гуров. Сколько раз я слышал подобные речи?»

– Вы сердитесь, – ворвался в его мысли голос Ольги. – Что ж, вы имеете на это полное право. Мы с вами незнакомы, вы мне ничем не обязаны. Я только мешаю вам насладиться ужином. Лишаю вас заслуженного отдыха. Все так, только я не отступлюсь! Просто не могу себе этого позволить!

– Чего вы от меня хотите?

– Мой муж пропал, – заявила Ольга. – Не убил кого-то, не украл миллионы, не подставил компаньона. Просто пропал.

– Так обратитесь в полицию, там есть специальные структуры, занимающиеся подобными вопросами. Разве вам об этом неизвестно?

– Известно. И я обращалась к ним. Мне отказали. – Голос Ольги дрогнул.

– Какова причина отказа? – для проформы поинтересовался Лев.

– Расследуя обстоятельства его исчезновения, они нашли доказательство того, что муж уехал из города. Добровольно. Сказали, что он бросил меня. Бросил, понимаете? – По щекам Ольги покатились слезы.

«Сейчас начнется истерика», – устало подумал Гуров. Но рыдать Ольга не стала. Она сцепила руки на коленях и принялась рассказывать:

– Мой муж – адвокат. Работает в одной подмосковной адвокатской конторе. Место не ахти, но на жизнь хватает. Роману, так зовут моего мужа, в этом году исполняется пятьдесят лет. Мне казалось, все амбиции по поводу высокого положения, больших заработков и более обеспеченной жизни остались в прошлом, где-то на рубеже между тридцатью и сорока годами. Думаю, до недавнего времени так и было. Он неплохо разбирается в своем деле, это правда. И дом у нас есть, и кое-какие сбережения. Я тоже дома не сижу, работаю в частной фирме, бухгалтером. Знаете, сейчас модно нанимать бухгалтера, который работал бы дистанционно. Такого работника фирма не обязана обеспечивать компьютерной техникой, не обязана беспокоиться о текущих тратах на оборудование офиса. Да мало ли преимуществ в подобного рода сотрудниках? Мне тоже удобно: не выходя из дома, я могу заработать приличную сумму. На дорогу не трачу ни время, ни деньги. Опять же, внешний вид роли не играет.

– Все это очень интересно, – начал Гуров, – но, боюсь...

– Простите, я отвлеклась. Постараюсь быть краткой. Двадцать четыре дня назад Роман уехал в Москву. Сказал, что у него появился шанс получить такое место, благодаря которому он наконец-то войдет в число адвокатов, чьи имена у всех на слуху. Так и сказал. Сначала все шло хорошо. Он возвращался из столицы в приподнятом настроении. Говорил, что скоро все изменится, даже начал мечтать о переезде в столицу. Потерпи, Олюшок, говорил он, скоро ты станешь королевой, московской королевой. А потом вдруг исчез. На звонки не отвечает, домой не приезжает. Я так давно не получала от него никаких вестей! Выждала время, обратилась в полицию. Они заявили, что Роман «взрослый мужик, который мог просто загулять», и велели приходить через три дня. Сейчас я жалею, что не настояла на своем, только какой от этого

прок? Время упущено. В итоге заявление мое все-таки приняли, а через сутки заявили, что у мужа была любовница и она официально подтвердила: Роман добровольно покинул город. В каком направлении, эта псевдолюбовница не знает, но ее показаний достаточно для того, чтобы прекратить поиски моего мужа.

– Вы получили официальный отказ в розыске?

– Мне пришлось обить не один порог, чтобы добиться этого самого официального документа. Теперь он у меня на руках, но я все равно уверена, что Роман попал в беду. Он не мог бросить меня. Только не сейчас, понимаете? Кому, как не мне, знать, на что способен человек, с которым ты прожил двадцать пять лет!

– Вашим ощущениям есть какое-то более существенное подтверждение? – мягко спросил Лев.

– Я понимаю, как все выглядит. Понимаю и ваш скептицизм. – Ольга вздохнула, откинула волосы со лба, покопалась в сумочке и извлекла на свет лист розовой бумаги. – Вот, взгляните.

Гуров даже не пошевелился. Тогда она развернула листок и двумя пальцами подтолкнула его к полковнику. Он опустил глаза. На мятом от долгого использования клочке ровным почерком было выведено: «Люблю тебя. Скоро все изменится».

– Похоже это на то, что мой муж решил меня бросить? – с вызовом спросила Ольга. – Похоже на то, что он обзавелся молодой любовницей и сбежал?

– На мой взгляд – да, – понимая, что слова звучат безжалостно, произнес Лев. – Хотите услышать, как это выглядит со стороны? Ваш муж действительно нашел тепленькое местечко и просто ушел. А записка – всего лишь дань тем годам, что вы прожили вместе. Мой вам совет: забудьте о нем. Начните жизнь с чистого листа. У вас еще может получиться. Зациклитесь на его поисках – пустите свою жизнь под откос. Это уничтожит вас. Поверьте, я знаю, о чем говорю.

– Этого не будет! – Ольга смяла записку, затолкала в сумочку. – Я не успокоюсь, пока не увижу его. Живого или мертвого. Либо он посмотрит мне в глаза и скажет, что я ему больше не нужна, либо я взгляну на него и поцелую дурацкий красный овал на его лбу. Вот тогда можно будет ставить точку.

– Красный овал? О чем это вы? – В мозгу Гурова что-то щелкнуло.

– Родимое пятно, предмет насмешек в детстве, подколок в юности и семейных шуток в зрелом возрасте. – Слабая улыбка тронула губы Ольги. – Роман ненавидит его. Из-за этого он всю жизнь носит длинную челку, чтобы прикрывать «особый знак», как называла родимое пятно его мать. Я пыталась с этим бороться, без устали повторяла, что это всего лишь пятно, до которого никому нет дела. Кроме самого Романа, конечно. Но он не желал слушать и упорно отращивал челку, чтобы скрыть этот дефект.

– Понятно. – Лев напряг память, пытаясь вспомнить, где и когда он слышал о подобном знаке, но слова Ольги отвлекли его от этих мыслей.

– Вы спрашивали, есть ли у меня что-то посущественнее интуиции. Так я вам отвечу. У меня есть все основания считать, что Роман не уехал из города. Я разбирала бумаги мужа и нашла материалы дела, над которым он работал. Он его не закончил. В его компьютере наброски речи, в отдельной папке бумаги без обязательного штампа «выполнено». Роман жуткий педант, он никогда не бросает дело на полпути и не выносит недоделок. Там какие-то документы, списки фамилий, разного рода пометки. Посмотрите хотя бы это. Встретитесь с его последним клиентом, пообщаетесь с ним, и, если останетесь при своем мнении, я больше вас не потревожу. Найдите его клиента, вот все, о чем я прошу.

– Это может ни к чему не привести, – покачал головой Гуров. – Я хочу сказать, что встреча с клиентом не гарантирует того, что это прольет свет на причину исчезновения вашего

мужа. Что, если он заявит, что отказался от услуг Романа? Это объяснит, почему дело не закрыто, но никак не приблизит вас к пониманию того, что же произошло.

– Пусть так. – Ольга устало потерла виски. – Хотя бы попытайтесь. Знаете, сколько раз за последние две недели я рассказывала эту историю? Со счета сбилась. И всякий раз получаю отказ. Выть хочется от бессилия, но я все еще держусь. И все еще надеюсь, что смогу помочь ему, моему Романтику. – Она снова потерла виски.

– Вам нехорошо? – забеспокоился Гуров. – Голова болит? Скажите, когда вы в последний раз ели? Наверняка толком и не спите. Вам нужно отдохнуть.

– Я в порядке, – остановила его Ольга. – Вернее, буду в порядке, когда узнаю, где мой муж.

– Хорошо, – сдался наконец Лев. – Я попытаюсь вам помочь. Ничего не обещаю, но попробую. Мне нужны записи вашего мужа. Все, что найдете в компьютере и на рабочем столе. Можете принести их завтра в мой кабинет на Петровку?

– Назначайте время, – облегченно вздохнула Ольга.

– Я прихожу к восьми, но вы можете прийти часиков в девять. Успеете выспаться.

– Я буду в восемь, – твердо проговорила Ольга, подхватила сумочку и, не прощаясь, ушла.

Гуров еще какое-то время сидел за столом, размышляя над тем, как странно устроен человеческий мозг. Порой он не может воспринять очевидные факты, возводя стену из домыслов, ощущений, ложных надежд, и эти самые надежды защищают его от потрясений. А потом что-то происходит, осознание происшедшего сносит хрупкие стены дамбы, построенной на хлипком фундаменте, и волны очевидных фактов топят все: и любовь, и верность, и ту самую надежду. Это ждало и Ольгу Камову, Лев считал именно так, но отказать ей в помощи уже не мог.

Глава 2

Во вторник Гуров пришел в Управление ровно в восемь. Справился у дежурного, не искал ли его кто из посетителей. Получив отрицательный ответ, засел в кабинете. Еще вечером он снова пытался вспомнить, где слышал о родимом пятне красного цвета в виде овала. В итоге, когда стрелка часов перевалила за полночь, ему это удалось. Ответ не всплыл сразу по той простой причине, что личность адвоката никак не вязалась с тем списком, в котором имелось упоминание красного овала. Оказавшись в кабинете, Гуров первым делом извлек список, который только вчера упрятал глубоко в ящик стола и поклялся никогда больше не притрагиваться к нему. Третий лист подтвердил его догадку. Среди прочих особых примет одного из умерших в подмосковном доме бомжей имелось описание следующего характера: «Мужчина, возраст около пятидесяти лет. Рост средний, волосы русые, глаза голубые, крепкого телосложения. Имеет шрам в области аппендикса, глубокий порез в нижней части бедра. В правой части лба имеется родимое пятно красного цвета в форме овала».

Лев дочитал до конца, отложил бумаги в сторону и крепко задумался. Как так вышло, что у безвестного бомжа оказалась та самая примета, о которой вчера упомянула Ольга Камова? Адвокат вдруг заделался другом бомжей? Но зачем? Еще неделю назад, при обсуждении обстоятельств смерти группы лиц без определенного места жительства, Гуров обратил внимание на тот факт, что в подвале заброшенного здания была обнаружена новехонькая канистра с остатками технического спирта, употребление которого и привело к смерти десяти человек. Откуда бомжи взяли такую прорву пойла? Этот «подарок» им явно кто-то преподнес. Теперь появление этой самой канистры выглядело еще более подозрительно. Может ли быть совпадением столь характерная примета? Сомнительно.

Без четверти девять Гуров начал беспокоиться. Женщина сказала, что придет к восьми. Прошло три четверти часа, а ее все не было. За это время он дважды справлялся у дежурного, не появлялась ли она в дежурке, но всякий раз получал отрицательный ответ. «Не нравится мне все это, – беспокойно думал он, протягивая руку к телефону внутренней связи. – Подожду еще пятнадцать минут, а потом начну действовать». Набрать номер дежурки он не успел, в дверь ввалился Крячко.

– Здорово, Гуров! – шумно поздоровался он. – Вижу, тебе все бомжатник покоя не дает? – Бросив взгляд на разбросанные по столу листы, сочувственно покачал головой: – Угробишь ты себя когда-нибудь, Лева, как пить дать угробишь. Маша еще не вернулась?

– Гастрольный тур заканчивается в пятницу, – рассеянно проговорил Лев.

– Значит, до пятницы ты холостякуешь? Мы просто обязаны этим воспользоваться. Как насчет крутой вечеринки в окружении сговорчивых красоток? – подначивал Станислав. Он прекрасно знал, что Гуров патологически предан своей жене и никакими красотками его не соблазнишь, но шутки на эту тему поднимали ему настроение. – Что скажешь, ковбой?

– Похоже, я идентифицировал одного из бомжей, – без тени улыбки сообщил Гуров.

– Чего-чего? – Крячко застыл на полпути к своему столу. – Повтори-ка, что сказал?

– Думаю, я знаю имя одного из бомжей. – Лев выудил документ, в котором были перечислены приметы трупа, сходные с приметами Романа Камова. – Сейчас сюда придет вдова покойного.

– Ты и вдову успел разыскать? – искренне удивился Стас.

– Это она меня разыскала. Вчера у нас состоялся весьма странный разговор. Сегодня она должна прийти сюда.

– Как она узнала о том, что ее муж – один из тех? Насколько я знаю, приметы «жмуриков» репортажами не освещались.

– Она и не знает. О том, что ее муж входит в число погибших в подмосковном подвале, я сам узнал только сегодня. Не совсем уверен, так как там довольно запутанная история, но чутье мне подсказывает, что ошибки не будет.

– А вот с этого места поподробнее. – Крячко уселся верхом на стул и приготовился слушать.

– Рассказывать особо нечего, – заявил Гуров, но в курс дела напарника ввел.

– Да, дела! – протянул Крячко. – Собираешься ей сказать?

– Придется, – кивнул Лев и, в очередной раз взглянув на часы, добавил: – Если будет кому говорить.

– Не понял, так она придет или нет? – переспросил Стас.

– Должна была прийти час назад. Боюсь, как бы с ней беды не приключилось. Не стоило откладывать беседу, нужно было ехать к ней домой еще вчера.

– Не гони волну, Лева, – остановил напарника Крячко. – Придет твоя Камова, куда не денется. А не придет, сами к ней сгоняем. Долго ли, имея под рукой транспорт?

– В том-то и беда, что я не знаю, куда ехать, – вздохнул Лев. – В сущности, я ничего о ней не знаю. Имя, фамилия, примерный возраст, вот и все. Ни адреса, ни телефона. Знаю, кем она работает, да только это мало поможет, работа у нее надомная, даже офис не посетишь.

– Спокойно, Лева, ты же не в цветочном ларьке ромашками торгуешь. Как-никак в Главке обретаешься. Вокруг тебя столько оперов, хоть лопатой гребь. Дадим клич, отыщется твоя пропажа. – Произнося это, Крячко уже набирал номер на личном телефоне: – Привет, Славик! Дело к тебе есть. Мне бы дамочку одну пробить. Что? Официальный запрос? А печать гербовую в личное пользование не желаешь? Напомни-ка мне, кто твою задницу не далее как неделю назад прикрывал? То-то! И больше таких разговоров не веди. Что? А! Диктую. Ольга Камова, бухгалтер, работает на дому. Возраст около сорока-сорока пяти лет. Что? В каких трупах, дурень! Она нам с Гуровым живой нужна. Понял? Разумеется, да знаю я, знаю. Везде ищи, и в трупах тоже. Все, пока! До связи! – Положив трубку, Стас перевел взгляд на Гурова: – Подождем, Лева, Славик мужик ушлый, но дело свое знает. Глазом моргнуть не успеешь, как он всю подноготную на твою Камову отыщет и тебе на блюде преподнесет.

На самом деле прошло больше часа, но результат Славик обеспечил. По его данным, Ольга Камова полтора часа назад была на «Скорой» доставлена в НИИ Склифосовского. Дорожно-транспортное происшествие, предположительно, акт суицида. Подробности у патрульных и у врачей. Гуров раздумывал лишь минуту, после чего сорвался с места, игнорируя окрики Крячко. Он выскочил из здания, промчался до парковки, начал шарить по карманам в поисках ключей от машины. Там-то его и нагнал Крячко.

– Ты что это вытворяешь, полковник? Сначала «Стас, помоги», а потом бортануть решил? Нет, друг, так дело не пойдет!

– Я должен ехать к ней, – заявил Гуров. – Должен успеть, пока еще не поздно.

– Это я понимаю, – успокаивающе проговорил Крячко. – Мы и поедем, только вместе. Ты и я, слышишь? Ты и я.

– Ладно, садись в машину, – взяв себя в руки, согласился Лев. – Поедем вместе.

– Так-то лучше, – заулыбался Станислав. – И не паникуй раньше времени. Женщина в тяжелом состоянии, но ведь не умерла. Возможно, и выживет.

Гуров вывел машину на проезжую часть, посигналил лихачу, подрезавшему его авто, и поехал к больнице. Какое-то время в салоне стояла тишина. Даже вечно словоохотливый Крячко не нарушал тишины, давая время напарнику осознать произошедшее. Наконец он не выдержал:

– Что думаешь обо всем этом?

– Ты о возможном суициде? – догадался Гуров. – Хрень собачья, вот что я думаю об этом.

– Но ведь и такое возможно. Дамочка на нервах уже не первый день, сам говорил, что она совсем плоха. Пусть не суицид, но с управлением не справиться вполне могла. Заснула за рулем, вылетела с дороги – и вот результат.

– Это не несчастный случай, Стас, и ты это знаешь не хуже меня, – оборвал Крячко Лев. – Таких совпадений в жизни не бывает. Это тебе не индийское кино.

– Допустим, я с тобой соглашусь. Тогда что это? Покушение на убийство? Но кому могла помешать жена провинциального адвоката, которого и след простыл?

– Адвокат не пропал, его убили.

– Здравствуй, приехали! И адвоката убили, и жену его грохнуть хотели. Теперь это не индийское кино, а американский вестерн, – неловко пошутил Станислав.

– Американский боевик, деревня! Вестерн – это про ковбоев.

– Пусть будет боевик, – не стал спорить Крячко. – Но и до боевика наши герои не дотягивают. Слишком мелкая сошка твой адвокат, чтобы за ним гангстеры охотились.

– Мы ничего о нем не знаем, – парировал Гуров. – Тот факт, что он работает в провинции, еще ни о чем не говорит. Придется покопать.

– Вот теперь мне все ясно, – вздохнул Стас. – Ты нашел себе новое дело. Старые закончились, в кои-то веки у нас наклюнулась передышка, так нет же, Гурову просто необходимо все испортить!

– Не я ее нашел, – напомнил Лев.

– Без разницы! Ты ее, она ли тебя, результат один: нам предстоит разгрести чье-то дерьмо, и легкой эта работенка не покажется.

– Не ворчи, Стас, дай подумать.

Остаток пути прошел в молчании. У больницы Гуров припарковал автомобиль, и оба полковника прошли в приемный покой. Показав в окно регистратуры свое удостоверение, Гуров потребовал отвести его в палату Ольги Камовой. На его требование сотрудница ответила категорическим отказом, сославшись на запрет главврача. Тогда Гуров потребовал аудиенции с главврачом. Та не стала связываться с сердитым полковником и переложила это бремя на плечи главврача. Она проводила Гурова и Крячко в кабинет главного, доложила о «настырных посетителях», после чего поспешно удалилась.

Главврач, лысоватый мужчина преклонного возраста, позволил им занять почетные места посетителей, затем хорошо поставленным голосом представился:

– Решетников Павел Андреевич, заведующий отделением экстренной хирургии. С кем имею честь?

– Полковник Гуров и полковник Крячко, – коротко ответил Лев. – Сегодня к вам доставили женщину, Ольгу Камову. Я должен ее увидеть.

– ДТП? Есть такая пациентка. Только вот требование ваше я исполнить не могу. В данный момент она находится в операционной, – невозмутимо проговорил Решетников. – Скажу честно, пациент тяжелый. Все, что от нас зависит, мы делаем, но исход неоднозначен.

– Она может умереть? – Лев нервно сжал кулаки.

– Скажите, кто она вам? Родственница или подозреваемая? – с любопытством рассматривал его главврач.

– Ни то ни другое, – не вдаваясь в подробности, ответил Гуров. – В момент аварии она направлялась ко мне в Главк. Я хочу быть уверен, что ваша пациентка действительно тот человек, которого я ждал.

– Вот как? Вы не уверены, что наша Камова это и ваша Камова? Что ж, бывает. Тогда вам придется подождать. Операция продлится еще час, после этого я смогу дать вам возможность взглянуть на нее через стекло. В палату я вас не пушу, – заявил Решетников.

– Еще я должен осмотреть ее личные вещи. Они ведь у вас?

– Кое-что действительно у нас, остальное – в полиции. Нам отдали ее сумку. Ну, и одежда, разумеется.

– Я бы хотел осмотреть сумку прямо сейчас.

– Сейчас попрошу дежурную медсестру принести все сюда, – кивнул главврач.

Как только Гуров увидел сумочку, сразу понял, что в операционной находится его Ольга Камова. С этой сумочкой она была в кафе. Не слишком изящная вещица, скорее практичная. Кофейного цвета кожзам, местами потрескавшийся от долгого ношения, нелепые кисточки на замках. Гуров хорошо помнил, как Ольга копалась в этой самой сумочке в поисках записки. Вытряхнув содержимое сумки на стол, он разворошил кучу бесполезных вещей вроде пудреницы, губной помады и прочего женского хлама. Розоватый лист бумаги был на месте. Больше ничего полезного обнаружить не удалось.

– Благодарю вас, Павел Андреевич, вы нам очень помогли, – собирая вещи обратно в сумку, поблагодарил Лев. – У меня к вам просьба: как только Ольга придет в сознание, свяжитесь лично со мной. Вот номер моего телефона. Ведь вас это не затруднит?

– Конца операции дожидаться не будете, – догадался Решетников.

– В этом нет нужды. Вещи ее. Моей Ольги Камовой, – пояснил Гуров. – И мне просто необходимо поговорить с ней как можно быстрее.

– Не уверен, что она вообще выкарабкается, – заметил главврач. – Перелом позвоночника в трех местах, обширное внутреннее кровотечение, гематома в затылочной части головного мозга. Нам повезет, если она переживет операцию.

– И все же моя просьба остается в силе. Будем надеяться на лучшее, – проговорил Лев, направляясь к выходу.

– Скажите, зачем она вам? Почему вы ей так интересуетесь? – остановил его Решетников. – Она попала в беду, эта женщина? Поэтому вы здесь?

– Так и есть. Женщина в беде, – ответил Гуров. – Но вам об этом беспокоиться не нужно. Она не преступница, если вы об этом. Просто в ее жизни наступила черная полоса.

– Я позвоню вам, – пообещал Решетников. – Если она очнется, вы узнаете об этом первым.

Выйдя из больницы, Крячко поинтересовался у напарника:

– Что собираешься делать, Лева?

– Надо ехать к дорожникам. Возможно, в машине были те документы, что Ольга везла мне. Хотя я в этом сильно сомневаюсь. По крайней мере, узнаем, как все произошло.

– Думаю, надо поставить в известность генерала. Действовать официально будет куда проще и быстрее. Сам знаешь, сотрудники ГИБДД нашего брата, оперативника, не особо жалуют.

– Черт, мы даже не знаем, где это случилось, – сердито проговорил Гуров. – Звони своему Славику, пусть даст подробности.

– Вернемся в отдел, – настаивал Крячко. – Нас полдня на месте нет, Орлов на части разорвет, когда узнает, что ты снова самостоятельностью занимаешься. Все детали сможем узнать на месте, обдумаем все хорошенько, тогда и поедем.

– Хорошо, ты езжай в управление, а я – к дорожникам. Нужно успеть осмотреть машину по горячим следам. Они не станут искать то, что буду искать я. Место выясню по дороге.

– А я? – растерялся Станислав.

– Вызови такси, я оплачу, – ответил Гуров, завел двигатель и уехал, оставив друга стоять на тротуаре.

Тот тяжело вздохнул и заковылял к стоянке такси.

В отдел Гуров вернулся только к двенадцати. Заглянул в кабинет, дал знак Крячко следовать за ним и направился напрямик к генералу Орлову. Тот оказался на месте. После недол-

гих препирательств с секретаршей Орлова полковники были допущены в кабинет генерала. Увидев лицо Гурова, генерал отложил бумаги и встревоженно спросил:

– Что-то не так?

– Дело дрянь, Петр Николаевич, – опускаясь на свободный стул, произнес Лев. – Думаю, в подвале подмосковного дома произошло убийство. Я прошу разрешить нам со Стасом заняться этим делом вплотную.

– Вот те на! – протянул Орлов. – То вы с Крячко в один голос твердите, что заниматься бомжатником не ваше дело, а то вдруг являетесь и объявляете, что готовы расследовать его чуть ли не в одиночку. Чем вызваны такие перемены?

– Меня сюда не приплетай, Петр Николаевич, – заявил Крячко. – Я сам пока не при делах.

– Значит, снова Гуров, – вздохнул Орлов. – Ладно, выкладывай, что там у тебя.

– Вчера у меня состоялась беседа с женщиной по имени Ольга Камова. Ее муж работает в адвокатской конторе в Подмоскowie. Чуть меньше месяца назад он пропал. Жена хотела, чтобы я помог с поиском. Сегодня она должна была привезти мне его документы. Я хотел ознакомиться с ними, прежде чем дать ответ. Ко мне она не доехала, попала в автомобильную аварию. А приметы ее мужа совпадают с приметами одного из найденных бомжей.

– И поэтому ты считаешь, что всех бомжей убили? Сомнительное заявление, – покачал головой Орлов.

– Я считаю, что это дело требует вмешательства. Адвокат мертв, его жена при смерти. Я ездил к ребятам, которые занимались ДТП. Документов при женщине не обнаружено, да и вся эта ситуация с аварией сильно смахивает на подставу.

– Поясни! – потребовал генерал.

– Авария произошла на участке дороги, где движение практически никогда не бывает интенсивным. Машина просто свалилась с объездного моста вниз на магистраль. Эксперты еще разбираются, но уже готовы подтвердить: скорости, с которой ехала машина, было бы недостаточно для того, чтобы утащить машину с трассы. Поэтому-то они и склоняются к варианту с суицидом. Убитая горем женщина решила разом покончить с душевными страданиями. Наверняка официальная версия будет такова. Муж ее бросил, она не смогла этого вынести и решила покончить с собой.

– А муж ее бросил? – переспросил Орлов.

– Опять же официальная версия. Когда Ольга заставила-таки полицию шевелиться, они отыскивали любовницу Камова. Она-то и сообщила о намерении Камова убраться из города.

– Тогда почему же ты не веришь в эту версию?

– Потому что Ольга выехала из дома не для того, чтобы расстаться с жизнью. Она планировала продолжить поиски и найти подтверждение тому, что ее муж не имел любовницы и уж тем более не бросал ее. Она везла мне документы, однако ни в машине, ни в личных вещах ничего подобного не обнаружено. И бумажный, и электронный форматы документов исчезли.

– Ты не можешь быть уверен в том, что документы действительно были. И ты не можешь быть уверен в том, что найденный в Подмоскowie бомж и твой Камов – одно лицо.

– Именно поэтому я прошу дать разрешение на проведение расследования. Хотя бы предварительного, в рамках идентификации подмосковных трупов. Мы с Крячко займемся этим, – повторил просьбу Лев. – Проверим квартиру Камовых, найдем кого-то из знакомых, способных опознать адвоката, и если моя версия подтвердится, ты дашь «добро» на возбуждение дела.

– Хорошо, можете заняться этим. В первую очередь найдите того, кто сможет опознать тело. Как только что-то выясните, сразу докладывайте, – приказал Орлов. – И, Лева, постарайся без самодетельности.

– Не переживай, Петр Николаевич, я за ним присмотрю, – пошутил Крячко.

Семья Камовых жила в городке Ликино-Дулево Орехово-Зуевского района, находящегося в восьмидесяти километрах от Москвы. Городок довольно крупный, с населением почти в

тридцать тысяч человек. Выяснив домашний адрес Камовых и адрес конторы, в которой трудился Роман, Гуров и Крячко поехали в поселок. Дорожный мост, с которого слетела машина Ольги, находился как раз на дороге, ведущей от Ликино-Дулево. Гуров остановился, чтобы лично осмотреть его. Как и говорили сотрудники ГИБДД, Ольга не превышала скорости движения. На асфальтовом покрытии моста не осталось никаких следов. Машина четко вписалась в узкий проем между секциями ограждения, так удачно нарушенными как раз накануне аварии. В этом месте велись работы по замене мостового ограждения, и в том, что некоторых секций не хватало, ничего удивительного не было. Да и в версию суицида картина вписывалась шикарно. Человек, решивший свести счеты с жизнью, заранее планирует, как и где он это сделает. Могла спланировать и Ольга. Сколько раз за последний месяц она проезжала по этому мосту? За такой долгий срок можно не только место присмотреть, но и график работы дорожных служб изучить.

В этот день дорожные работы были приостановлены. Гуров еще не успел выяснить причину, но собирался сделать это в ближайшее время. Из всех свидетелей был доступен только водитель микроавтобуса, который вызвал полицию. Машина Ольги свалилась на дорогу как раз перед носом его микроавтобуса. Парень чудом избежал столкновения. Видимо, от потрясения он и остался на месте. Больше никто из водителей не остановился. Это тоже не было из ряда вон выходящим событием. Столичные автомобилисты дорожат временем куда больше, чем чужой жизнью. У тебя проблемы, ты и разбирайся, примерно так мыслит большая часть людей. Связываться с полицией или влезать в чужие проблемы у них желания нет.

Вниз Гуров не спускался. Какой смысл? Если что-то и произошло с Ольгиной машиной, то случилось это наверху. Как ее недоброжелателям удалось провернуть дело, он понятия не имел, но предполагал, что тот, кто столкнул машину с моста, какое-то время находился в салоне вместе с Ольгой. Скорее всего, он ехал с ней от самого Ликино-Дулево. Вряд ли она стала бы подвозить незнакомца, голосующего на дороге, везя документы мужа в полицию. В этом вопросе Крячко был согласен с Гуровым.

В городке они в первую очередь посетили адвокатскую контору, но, несмотря на разгар рабочего дня и рабочей недели, нашли двери офиса закрытыми. В соседнем магазинчике им сказали, что в конторе служат всего три адвоката, двое из которых в настоящее время находятся в очередном отпуске. Почему вместе? Да потому что супруги. Муж и жена работают в одной конторе, почему нет? Кто остался? Адвокат Камов, но и его давно не было видно. Контора не открывалась по меньшей мере две недели, так сказал продавец, который лично знал всех трех адвокатов.

Контору пришлось на время оставить, без официального разрешения Гуров туда соваться не стал. «Ничего, это подождет. Получим доказательства смерти Камова, тогда и вернемся», – думал он, направляя машину к дому Камовых.

Квартира, как и офис, была на замке. Пообщавшись с соседями, Гуров выяснил, что, кроме Романа и Ольги, в квартире никто не живет. Детей у них нет, а родители давно скончались. Роман, так тот вообще родных не имел, с самого рождения рос в детском доме. Здесь уже Гуров не церемонился. При осмотре сумочки Ольги он забрал ее ключи, так что взламывать дверь ему не пришлось. Открыв замки, он впустил в квартиру Крячко, вошел сам и запер дверь на замок.

- Так нам никто не мешает, – ответил он на немой вопрос напарника.
- Откуда ключи? – поинтересовался Крячко.
- Стащил у Ольги. Знал, что пригодятся.
- Ладно, давай поделимся. Я беру гостиную, ванную комнату и кухню. На тебе спальня и кабинет. Идет?
- Идет, – кивнул Лев, скрываясь в кабинете.

Квартира у Камовых была просторная, а вот мебель относилась к той эпохе, когда вся страна зарабатывала тем, что открывала всевозможные кооперативы. Дешевая, безвкусная и недолговечная. Вся, за исключением той, что стояла в кабинете. Тут хозяева средств не пожалели. Высокие, под потолок, стеллажи изготовлены из натурального дуба. Из той же коллекции массивный дубовый стол на четырех подпорках. Шикарное кожаное кресло. Резное бюро с множеством ящичков, каждый из которых снабжен медной табличкой с выгравированным номером и литой ручкой с регулятором положения. Все чинно, достойно, основательно. Комната говорила о хозяине так отчетливо, что Гурову и голову ломать не пришлось. Роман Камов себя любил, вернее, себя в своей профессии. То, что Ольга говорила о затихших амбициях, было неверно. Владелец этого кабинета ни на минуту не переставал мечтать о славе и признании. Осмотрев ящики стола, Лев не нашел ничего, что навело бы его на след. Единственное, что бросалось в глаза, это отсутствие компьютера. Ольга упоминала о том, что основная часть документов хранится в портативном компьютере Романа, однако в кабинете его не было. Забрала ли Ольга его с собой, отправляясь на встречу с Гуровым? Скорее всего, так и было, и теперь он находится в руках того, кто всеми силами пытается увести полицию от семьи Камовых и от расследования причин исчезновения Романа.

– Что у тебя, Лева? – заглянул в кабинет Станислав.

– Пусто. Ноутбук пропал.

– У меня не гуще. – Крячко потряс потрепанным блокнотом: – Вот все, что удалось отыскать. Кстати, место для хранения этой вещицы хозяева выбрали специфичное. Знаешь, где я его нашел? В ящике со старой обувью. В прихожей стоит комод, в нем всякой всячины понабито, а в нижнем ящике старая обувь. Вот там господин Камов свою записную книжку и хранил. Странно, правда?

– Посмотрел, что в ней?

– Помимо списка телефонов, записи на каждый день. Имеются записи двухгодичной давности, но есть и свежие. Кстати, на стене возле телефона есть один номерок, я скопировал. Не желаешь позвонить?

– Давай попробуем, – согласился Гуров.

Набранный номер не отвечал. Механический голос повторял одно и то же: оставьте сообщение после звукового сигнала. Сообщение Гуров оставлять не стал, но связался с отделом и дал распоряжение установить владельца номера.

– Тут в записной книжке имеется еще один номерок, явно не клиента, – листая блокнот, сообщил Крячко. – Подписано: Леха Рыжий. Думаю, это друг Камова. Попробуем связаться?

– Давай, – кивнул Гуров, а сам направился в спальню.

Спальня выглядела ужасно. Широкая кровать занимала половину комнаты. Постельное белье не меняли по меньшей мере месяц. Наволочки хранили следы пролитой пищи, одеяло выбилось из пододеяльника и комком валялось в изножье кровати. Трехстворчатый шкаф раскрыт, часть одежды валялась тут же на полу, часть еще висела на вешалках. Лев осмотрел отделение с полками. Мужская одежда аккуратными стопками сложена на двух полках. Носки, трусы, майки и галстуки, все на своих местах. В глубине шкафа он нашел дорожную сумку. Если Роман и планировал побег, то вещи из дома забирать явно не собирался.

– Готово! – прокричал Крячко из гостиной. – Леха Рыжий действительно друг Камова. Он обретается в столице и готов к встрече. Назначил на три часа. Успеем?

– Отлично, значит, соседей на опознание дергать не придется. Думаю, больше нам здесь делать нечего, – заявил Гуров, возвращаясь в гостиную. – Поехали в отдел.

Из квартиры они вышли незамеченными. Защелкнув замки, спустились на первый этаж. На крыльце столкнулись с пожилым мужчиной, тот нес на руках облезлого кота. При виде незнакомцев кот зашипел, шерсть на загривке встала дыбом.

– Внимательнее надо быть, молодые люди, – отчитал их мужчина. – Не видите, животное травмировано. Не хватало еще нервного срыва.

– Простите, мы вас не заметили, – извинился Лев.

– Все потому, что по сторонам не смотрите. Рыскаете тут, вынюхиваете. Покоя от вас нет! – продолжал ворчать мужчина, поднимаясь по лестнице.

– Пойдите! – остановил его Лев. – Вы сказали, что кто-то здесь рыскал и вынюхивал. Кого вы имели в виду?

– Да вот таких, как вы, и имел в виду, – не останавливаясь, проворчал мужчина. – Таскаетесь сюда, будто медом вам намазано, а потом бедный Хучик сутками с дерева спуститься боится.

– Нужно поговорить. – Гуров догнал мужчину и заставил его остановиться.

– Вам нужно, вы и разговаривайте, – грубо ответил тот. – Проваливайте, а то полицию вызову!

– Мы уже здесь, – доставая красные «корочки», заявил Крячко. – Полковник Крячко, это полковник Гуров. Потрудитесь ответить на наши вопросы, гражданин...

Но мужчина молчал, с вызовом глядя на полковников.

– Послушайте, нам нужна ваша помощь, – примиряющим тоном произнес Лев. – Вы сказали, что видели возле дома неких людей, которые, по вашему мнению, за кем-то следили. Можете рассказать подробнее? Это очень важно.

– Дайте-ка взглянуть на вашу ксиву, – потребовал вдруг мужчина.

Гуров подчинился. Он раскрыл удостоверение и дал возможность рассмотреть его.

– Ого, убойный отдел? Кого-то убили? У нас? – разволновался мужчина. Его волнение тут же передалось Хучику, и тот снова зашипел. – Не пугайся, Хучик. Эти люди из полиции, они не причинят тебе зла, – принялся успокаивать его хозяин.

– Расскажите, когда вы видели тех людей, что следили за вашим домом. – Гуров пытался направить разговор в нужное русло. – Это было недавно?

– А вот вчера и было, – поглаживая кота, заявил мужчина. – Я за Хучиком охотился, он, паршивец, снова из дома сбежал и никак не желал возвращаться. Четыре раза выходить пришлось. Последний раз позднею, часов в двенадцать. Тогда я его и видел. Мужичонку на тачке. Он уже не первый раз в наш двор наведывается. Поставит свою колымагу у дальних деревьев и сидит часами, за подъездом наблюдает. А уж за кем именно, мне неизвестно.

– Когда первый раз появился, помните?

– Да с месяц назад, может, меньше, – напрягая память, выдал мужчина. – Потом пропал и снова появился. Потом долго его не было, я уж забывать начал, а вчера снова его колымагу заприметил. Подумал, может, к любовнице мотается. Выждет, пока муж уйдет, и к любаве в постельку. Такое бывает, знаете ли.

– Описать его сможете?

– Не выйдет. Он всегда в машине сидит, носа из нее не высовывает. Что мужик – точно. Сигарки курит не дамские, и локотки, что из окошка выставляет, на девичьи не тянут. Волосатые больно, – хихикнул мужчина. – Длинные такие волосы, черные, издали видать. А примет не знаю, извиняйте.

– Ну хоть машину описать можете? Марка, цвет, номер? – вступил в разговор Крячко.

– Цвет – грязно-серый. Марка – наша, «жигуленок», шестой модели. А номер я не рассматривал. Зачем мне это? Я ведь не сыщик и становиться им на старости лет не собираюсь, – заявил мужчина.

– Назовите номер квартиры, в которой вы живете, и фамилию, – потребовал Гуров. – Вы можете понадобиться.

– Кому это понадобиться? – забеспокоился мужчина. – Учтите, я на ваши допросы и опознания не пойду!

– Еще как пойдете, – с угрозой в голосе произнес Крячко. – Гражданский долг еще никто не отменял. Или для вас формулировка «препятствие следствию» привлекательней звучит?

– Не пугай его, Стас. Он и сам понимает, что дело серьезное, так ведь? – Гуров попытался смягчить резкие слова напарника. – Так как ваше имя?

– Ох, говорила мне мама: молчи больше, Бориска, язык тебя в неприятности втянет. Сколько лет прошло, и вот, сбылось, – запричитал мужчина. – Живу себе, никого не трогаю, Хучика воспитываю, и тут являются амбалы с красными «корочками», и вся жизнь под откос летит.

– Да не переживайте вы так, Борис, все будет хорошо, – успокоил его Гуров. – Имя мы уже знаем, что с фамилией?

– Коневодов моя фамилия. Борис Коневодов, бывший почтовый работник, ныне заслуженный пенсионер. Проживаю в квартире номер пятнадцать. Двухкомнатные апартаменты достались в наследство от матушки. Супруги не имею и не имел никогда. Бобыль я. Хучик вся моя семья. Вы бы оставили меня в покое, граждане уголовные розыскники. Я совершенно безобидный субъект.

– Пока дышите свободно, – усмехнулся Крячко. – Но будьте начеку. Если «шестерка» снова появится, звоните по этому телефону, – протянул визитку.

Мужчина взял ее, не глядя сунул в карман и засеменил вверх по лестнице.

– У вас хоть телефон есть? – крикнул вдогонку Стас.

– Найдется, – не оборачиваясь, ответил мужчина.

– Так звоните, не забывайте.

Покинув городок, полковники отправились в отдел – поджидать прихода друга Камова, Лехи Рыжего.

Глава 3

– Как же так? Как такое вообще могло случиться? В голове не укладывается. Просто не укладывается в голове!

Гуров и Крячко сидели на лавочке в сквере возле морга. Между ними сидел Леха Рыжий, по паспорту Алексей Наумович Гликберг, типичный еврей, со всеми вытекающими отсюда приметами. По какой причине жгучему брюнету дали прозвище «Рыжий», оставалось загадкой, в густой шевелюре Лехи не было не то что ни одного рыжего, но даже ни одного седого волоса. Известие о том, что его друг Роман Камов, предположительно, мертв и от Лехи требуется пройти процедуру опознания, вызвало у того ярый протест. Он категорически отказывался ехать в морг и опознавать кого бы то ни было.

– Моя конституция просто не выдержит этой процедуры, это вы можете понять? – слегка картавя, вопил он. – Я имею право отказаться! И даже если нет, то насильно доставить меня в это ужасное место вы не можете. Я болен, понимаете? Я предоставлю справку, освобождающую меня от этой процедуры.

Так он вопил добрых пять минут, пока Лев не сообщил ему, что произошло с женой Камова, Ольгой. Вот когда Леха Рыжий, что называется, впал в ступор. Он смотрел на Гурова во все глаза, даже не моргал. Ужас, написанный на его лице, заставил Гурова изрядно поволноваться, дал Крячко знак, чтобы тот по-быстрому организовал врача, не дай бог, Гликберга удар хватит в стенах Управления. Крячко вышел из кабинета, стараясь не привлекать внимания Лехи, но тот не заметил бы его ухода, даже если бы Стас топал как слон, опрокидывая на своем пути мебель. Он был близок к обмороку. Отчаявшись, Гуров наполнил стакан водой и вылил ее Гликбергу за шиворот. Холодная струя потекла по позвоночнику, и это привело Леху в чувство.

– Оля! – первое, что сказал Леха, выйдя из ступора. – Олюшка! Моя Олюшка!

Он начал раскачиваться из стороны в сторону, снова и снова повторяя имя жены Камова. Гуров его не останавливал, все равно это было лучше, чем немой ужас, в котором Гликберг пребывал до этого. Крячко вернулся, ведя за собой врача «Скорой помощи». Тот осмотрел Леху, покачал головой и начал колдовать над чемоданчиком с лекарствами.

– Что вы с ним сделали? – озабоченно спросил он Гурова. – Такое впечатление, что мужик только что лишился всей семьи и своей собственной жизни в придачу.

– Сообщили нечто, касающееся текущего расследования, – уклончиво ответил Лев.

– Давненько я такой реакции не видел, – заявил врач, вводя лекарство в вену Гликберга.

– Признаться честно, за годы службы я вообще такое впервые наблюдаю. Как скоро он придет в норму?

– Дайте ему минут десять, потом можете продолжать. Не волнуйтесь, рецидива не будет. После инъекции можете ему хоть труп бабушки показывать, он и на это отреагирует адекватно.

– Примерно это мы и собираемся сделать, – хмыкнул Крячко.

– Показать ему труп его бабушки? – выпучил врач глаза от удивления.

– Не бабушки, друга, – поспешил вмешаться Гуров. – Спасибо за помощь. Удачного дня.

– И вам удачного дня, – подозрительно глядя на Станислава, произнес врач и вышел из кабинета.

– Ну, и зачем тебе понадобилось шокировать его? – обратился Лев к Крячко.

– Да чтобы не хохмил на тему трупов. Ты его рожу видел? Он, поди, экстрасенсом себя ощутил. Труп бабушки, надо же такое выдумать!

– Труп? О каком трупе вы говорите?

Оба как по команде развернулись к Лехе Рыжему. Взгляд его стал более осознанным, он перестал раскачиваться, да и речь звучала более спокойно.

– Как вы себя чувствуете, Алексей? – участливо спросил Гуров. – Вам лучше?

– Да, мне лучше. Что произошло?

– Вам стало плохо, такое случается, когда человек получает неприятное известие. Мы вызвали врача, он сделал вам укол, теперь вы в норме.

– Вы говорили про Ольгу Камову, – вспомнил Гликберг. – Сказали, что она попала в автомобильную аварию, это правда?

– Да, так и есть, но волноваться пока рано. Сейчас Ольга в «Склифе», ей сделали операцию, состояние тяжелое, но она держится, – опасаясь рецидива, скороговоркой выложил новости Лев.

– Я должен ее увидеть, должен позаботиться о ней, пока Ромки нет рядом. – Голос Лехи звучал взволнованно, но истерических ноток слышно уже не было.

– Вы влюблены в Ольгу? – Вопрос Гурова прозвучал внезапно.

Леха покраснел, отвел взгляд, но все же ответил:

– Да, я люблю Олю. Давно и безнадежно. Я первым познакомился с ней. Вы знаете, что мы с Ромкой учились вместе? Нет? Это так. Мы дружили с института. До тех пор, пока Оля не предпочла его мне. Потом тоже общались, но уже не так. Совсем порвать с Ромкой у меня духу не хватало, ведь только так я мог общаться с Олей. И вот теперь вы сообщаете, что она попала в аварию, а Ромка лежит в каком-то морге и я должен ехать туда, чтобы удостовериться в этом.

– Если бы Ольга могла, она бы это сделала, и мы вас не побеспокоили бы. Но случилось то, что случилось. Ольга не в состоянии провести опознание, вы же, напротив, полны сил. Так почему бы не помочь женщине, которую вы любите? Потом сможете поехать к ней. Главврач там строгих правил, но я уверен, вы сумеете его убедить.

– Хорошо, я согласен, – сдался Гликберг, и они все вместе отправились в морг.

Романа Леха Рыжий опознал, хоть и с трудом. Кто-то сильно постарался, желая привести его внешний вид в соответствие с представлениями о бомжах. Прическу Камов носил удлиненную, это облегчило работу его недругам. Обмазанные чем-то сальным, припорошенные пылью и присыпанные грязью, волосы выглядели так, будто их обладатель не мылся уже года два. Кожа на лице тоже выпачкана грязью, но как-то нарочито сильно, точно грим на съемочной площадке. Гурову пришлось попросить санитаров отмыть лицо, чтобы свидетель мог понять, кто перед ним. И вот когда эта процедура была исполнена, Леха Рыжий узнал в бомже адвоката Камова. В какой-то момент он был готов потерять сознание, после чего Гурову пришлось вывести Леху на свежий воздух.

– Значит, сомнений нет, это ваш друг Роман Камов? – скорее для поддержания разговора, чем для подтверждения очевидного, спросил он.

– Да, это несомненно Роман. Но почему он так странно одет? И вся эта грязь... Откуда?

– Мы еще разбираемся с этим, – ответил Лев. – Хотите, чтобы мы отвезли вас домой?

– Нет, спасибо, я справлюсь сам. Думаю поехать в «Склиф». Вдруг Оля пришла в сознание. Ей потребуется моя поддержка.

– Мы задержим вас ненадолго. Есть пара вопросов. Для этого не обязательно возвращаться в отдел. Можем побеседовать прямо здесь, если вам удобно, – предложил Гуров.

– Спрашивайте, я готов. – Леха сцепил пальцы в замок, стараясь сдержать дрожь. Все-таки посещение морга не прошло для него бесследно, как обещал врач «Скорой».

Вопросы действительно не заняли много времени, по большей части оттого, что Гликберг и Камов в последние годы практически не общались. Случайные встречи в суде, когда время слушаний совпадало, да неизменный ужин в день рождения Ольги, на котором Гликберг бывал ежегодно, независимо от загруженности на работе. Карьера Гликберга оказалась куда успешнее карьеры товарища, это не могло не оставить отпечатка на взаимоотношениях. Чем последний месяц занимался Камов, Гликберг не знал. Каким образом мог оказаться в компании бомжей, не представлял. Единственное, в чем Леха Рыжий оказался полезен, это в том, что

он категорически отмел предположение, будто Камов мог завести любовницу и бросить жену. Для Романа Ольга была чем-то вроде талисмана. Есть Ольга – есть удача, нет ее – и с удачей можешь распрощаться, примерно так представлял он себе отношения между супругами. Это бесило Леху, но он не мог не признать: брак Романа и Ольги был на удивление крепок.

Гуров отпустил Гликберга и вместе с Крячко вернулся в морг. Он хотел еще раз осмотреть тело Камова. Патологоанатом указал на несколько странностей, на которые до прихода Гликберга не обратил внимания, а точнее, отмахнулся от них.

– Вернулись? Отлично. Я тут провел дополнительное обследование, – произнес он, как только Гуров и Крячко вновь переступили порог «мертвецкой». – Пойдемте, я вам кое-что покажу. Начнем с ушных раковин. Видите что-то необычное?

Гуров склонился над телом, пытаясь разглядеть, что привлекло внимание патологоанатома.

– Можете взять лупу, так будет эффективнее, – посоветовал патологоанатом и продолжил: – Итак, начнем с ушных раковин. Если обследовать кожный покров внутренней части уха, будет заметно, что волосяной покров там удален механически. Попросту говоря, при жизни у нашего «жмурика» были проблемы с оволосением. Если бы он тщательно не следил за собой, у него в ушах вырастали бы заросли, по густоте сравнимые с австралийскими джунглями. Но что мы видим сейчас? Ничего. Девственно-чистую кожу, а это означает, что парень пользовался специальным приборчиком для удаления волос из таких вот проблемных мест. Это еще не все. Взгляните на его руки. Кожа как у младенца – ни ссадин, ни царапин, ни обломанных ногтей. У людей, живущих на улице, таких рук не бывает. Заскорузлая корочка, цыпки, черные борозды от въевшейся грязи – это да. И ноги, к слову сказать, тоже не бомжатские. Обувь стоптанная, на три размера больше требующегося, носки засалены настолько, что ими убить можно, а вот пяточки ровненькие, розовенькие, хоть сейчас в рекламу скребков для педикюра. Этот парень ни дня не ходил в тех говнодавах, в которые был обут в момент смерти.

– Вы в этом уверены? – Гуров рассматривал ступни Камова, отмечая их чистоту и аккуратность. – Возможно, времени прошло недостаточно, но в таком виде он все же какое-то время просуществовал. На улице, я имею в виду.

– Исключено! – отрезал патологоанатом. – По какой бы причине ваш подопечный ни воспользовался этим маскарадом, на улице он не пробыл и суток. Это мое профессиональное мнение. Письменный отчет составить?

– Непременно. И желательно в кратчайшие сроки, – кивнул Лев. – Скажите, причина смерти остается та же? Он умер от отравления техническим спиртом?

– Увы, это окончательный вердикт. Но и здесь есть свои нюансы. Вполне вероятно, вашего подопечного накачали.

– Хотите сказать, кто-то насильно влил в него столько спирта, что он отбросил коньки? – спросил Крячко.

– Именно так. При обследовании гортани я обнаружил механические повреждения. Такие повреждения могли появиться в результате введения в гортань физического предмета, например, зонда для промывания желудка. С помощью такого зонда ввести в желудок нужное количество жидкости – раз плюнуть.

– И это доказывает, что перед нами не банальное отравление, а намеренное убийство, – закончил за патологоанатома Станислав.

– Чтобы выполнить такую процедуру, его должны были связать, – заметил Гуров. – Вы должны были обнаружить следы от веревок на руках и ногах. Они есть?

– Нет, но это и не обязательно, – возразил патологоанатом. – Если злоумышленники воспользовались скотчем, следов могло и не остаться. Намотали скотч поверх одежды, и кожа чиста. Думаю, так все и было. Парня примотали к стулу, а чтобы удобнее было производить манипуляции с зондом, но не оставлять следов на коже, они воспользовались его шикарнейшей

шевелюрой. Ухватил клочок волос, вздернул голову и работай без спешки. Кстати, волосистой покров в затылочной части имеет проплешины. Часть волос была вырвана с корнем еще при жизни. И это тоже профессиональное мнение.

– Пишите отчет, – попросил Лев. – Прямо сейчас и приступайте. Стас, мы в Главк, нужно возбуждать дело о преднамеренном убийстве.

По дороге в отдел он позвонил в больницу. Операция закончилась, но в сознание Ольга пока не приходила. Гуров и не надеялся, что все сложится легко. Он корил себя за то, что не выяснил имя последнего клиента Камова, когда была возможность, но задним умом все крепки. Откуда ему было знать, что все так обернется.

Генерал Орлов был на месте. Гуров прямо с порога объявил о новых обстоятельствах дела, открывшихся в ходе расследования. Генерал нахмурился и жестом приказал полковникам сесть.

– Вот удружил, Лева, – вздохнул он. – Тебе поручили выяснить имена упившихся бомжей, а что ты натворил вместо этого? Притащил в отдел очередной висяк? И как это у тебя получается: сходил за хлебом, принес труп.

– Не ворчи, Петр Николаевич, обстоятельства так сложились, – слегка улыбнулся Лев. – Я просто выполняю свою работу. Лучше скажи, как скоро мы получим разрешение на проведение официального расследования?

– Улики твои все косвенные, – начал Орлов. – То, что опознанный труп слишком чистенький для бомжа, еще ничего не доказывает. Он мог осознанно выбрать такой путь. Мог переодеться бомжом ради сбора улики для своего клиента, а то, что попал в компанию новых собратьев в неподходящее время и упился вместе с ними некачественным пойлом, так это простое невезение. Нужно было доказать бомжам, что он один из них, вот он и старался. Следов насилия на теле нет. Ни синяков, ни ран, сам же сказал.

– А ссадины в гортани? А волосы, вырванные из затылка? – напомнил Гуров. – Уверен, криминалисты обнаружат следы скотча на его одежде. Это будет дополнительным доказательством того, что над Камовым производились насильственные действия.

– Вот когда обнаружат, тогда и поговорим, – заявил генерал. – А волосы ему и приятели-бомжи вырвать могли. Что-то не поделили, повздорили, один другого за волосы оттащали. Ничего странного.

– Ты ведь и сам в это не веришь, Петя, – покачал головой Гуров. – Тебе просто не хочется этого признавать. Я обещаю – висяка не будет. Мы раскроем это дело по горячим следам.

– По каким следам, Лева? По десяти телам замусоленных бомжей? – вскипел Орлов, понимая, что в итоге все равно придется уступить.

– По канистре и фиктивной любовнице. Эта канистра появилась в подвале неспроста. Кто-то всучил ее бомжам, полагая, что те будут глушить спирт, пока не упьются, после чего он сможет подложить труп Камова в кучу бомжей, и никто ничего не узнает. Здесь же явно прослеживается расчет. Кто станет надрываться, выясняя, где бомжи взяли некачественный спирт? Никто. Кто станет носом землю рыть, выясняя имена всех погибших? Опять же никто. Полежат трупы в морозильных камерах и пойдут в братскую могилу, то бишь в печь крематория. А уж после такой процедуры ни о каких опознаниях и сборе улики и речи быть не может. Все шито-крыто. – Лев помолчал немного и тихо добавил: – Убили адвоката, Петя, человека, поставленного защищать закон. Мы не можем отмахнуться от этого дела.

– Ты мне на совесть не дави. И мой патристический пыл не возбуждай, он и без того зашкаливает, – проворчал Орлов. – Иначе мы бы с тобой здесь не сидели.

– Я и не пытался, – снова улыбнулся Лев, поняв, что спор выигран. – Говорю тебе, висяка не будет. Мы раскроем это дело, только дай отмашку. Убийство адвоката и покушение на убийство его жены, Ольги Камовой.

– Про это забудь! – отрезал генерал. – С меня и одного дела более чем достаточно. Если в ходе расследования смерти Камова всплывут доказательства того, что автомобильная авария его жены была подстроена, тогда и будем дело возбуждать, а пока про это забудь! Там вообще никаких зацепок.

– Это не совсем верное утверждение, – вклинился в разговор Крячко. – По показаниям свидетеля, у дома Камовых неоднократно появлялся автомобиль марки «Лада-2106», владелец этого авто следил за домом. Накануне аварии этот автомобиль был также зафиксирован во дворе дома Камовых.

– И ты туда же? Кто этот ваш свидетель? Номер автомобиля он запомнил? Быть может, предоставил описание водителя? Или он видел, как тот общался с кем-то из семьи Камовых? – перекинулся на Крячко генерал. – Есть у тебя такие сведения, я спрашиваю? Можешь не отвечать, по глазам вижу, что нет. Женщина не справилась с управлением и вылетела через ограждение, вот что вижу я. И пока не будет хоть одной улики, доказывающей обратное, разрешения на возбуждение уголовного дела вы не получите. Это ясно?

– Но по Камову-то мы работать сможем? – настаивал Гуров.

– Ладно, будь по-вашему, – вздохнул Орлов. – Но учти, Лева, ты мне слово дал раскрыть дело в кратчайшие сроки.

– Все так и будет, Петр Николаевич. – Улыбка Гурова стала еще шире. – Следующий репортаж в новостях будет о тебе. Что-то типа: «Генерал-лейтенант на страже города. Ни один бомж не останется неотомщенным».

– Проваливай, балагур! – засмеялся Орлов. – И приятеля своего прихвати, а то он от наших патриотических разговоров заскучал.

Из кабинета генерала Гуров и Крячко отправились напрямиком к себе, определить стратегию расследования. Гуров выяснил, кто занимался заявлением Ольги Камовой по розыску пропавшего мужа. Крячко связался с моргом, дал указание отправить одежду Камова в экспертный отдел и напомнил о необходимости поторопиться с официальным отчетом о вскрытии тела Камова. После этого было решено, что Крячко поедет в поселок, где нашли тела, и попытается выяснить, кто мог преподнести бомжам смертельный гостинец. Гуров же пообщается со следователем, занимавшимся поисками Камова.

Прогулочным шагом беспечного туриста Стас Крячко вышагивал по улицам ставшего скандально известным поселка. Он высматривал подходящую для определенного рода беседы кандидатуру. Суетливых мамаш, выгуливающих своих отпрысков, он отмел сразу. Не станут они якшаться с пропитыми бомжами, а значит, и информации от них никакой не жди. Бабульки – божьи одуванчики на эту роль тоже не подходили, как и работяги, копошащиеся возле сельхозтехники. Неплохо подошли бы пацаны-подростки, этим до всего есть дело, и они подмечают многое из того, что ускользает от взгляда взрослого человека, обремененного заботами о семье. Также стоило обратить внимание и на пьянчуг, все еще не потерявших жилье и работу, но имеющих непреодолимую тягу к зеленому змию. Вот их-то и разыскивал Крячко.

Резонно рассудив, что как бы ни было туго с деньгами, пьянчуги будут крутиться возле магазина, торгующего спиртным, Крячко справился у прохожих, где таковой располагается, и отправился туда. Его предположение не оправдалось: площадка возле магазина была пуста. Ни пьянчуг, ни трезвенников у крыльца не было. «Ладно, попытаем счастья внутри», – решил он и толкнул входную дверь.

Магазинчик, хоть снаружи и выглядел торговой точкой типа «сельпо», внутри оказался довольно современным. Новые прилавки, сверкающие хромом и стеклом, современный кассовый аппарат с транспортной лентой и даже тележки на колесиках, необходимость в которых совершенно отсутствовала, ввиду того, что отделов самообслуживания магазин не имел. Две девицы в форменных фартуках и чепцах, только-только вышедшие из школьных застенков,

весело шушукались за прилавком. Кресло кассира занимала дама более солидного возраста, с напыленным лицом и подрисованной возле губы родинкой. Немного подумав, Крячко остановил выбор на последней.

– Добрый день, как торговля? – приблизившись к кассе, вежливо поздоровался Станислав.

– Все товары на прилавках, – отшила его кассирша.

– Ассортимент бедноват. – Он картинным жестом обвел прилавки. – Ни тебе авокадо, ни осетрины под горчичным маринадом. Скукотища.

– Другие не жалуются. – Кассирша явно не была настроена на шутливый разговор.

– Много у вас посетителей? – задал новый вопрос Крячко.

– Вы из Роспотребнадзора? – Кассирша скосила глаза на девиц и одним им понятным движением подала какой-то знак. Девицы отскочили друг от друга, точно металлические шары разной полярности.

– Я из другой структуры, – поняв, что с простым посетителем грозная кассирша вести диалог не станет, ответил Стас и махнул в воздухе красными «корочками».

– Директор будет в шесть. – Кассирша вся подобралась, от бывшей расслабленности не осталось и следа.

– Не думаю, что он сможет ответить на мои вопросы лучше, чем вы, – заметил Крячко. – Да и вопросы мои несложные. Слышали про бомжей в подвале?

– Не по адресу явились, господин полицейский, – ошетинулась кассирша. – У нас все спиртное лицензированное. Документы в порядке. Если хотите повесить это дело на наш магазин – не выйдет.

– Боже упаси! – театрально замахал руками Стас. – Подозревать в чем-то такое солидное заведение! Не понимаю, с чего вы вдруг так разволновались?

– Все вопросы, связанные с работой точки, обсуждайте с директором, – сердито повторила кассирша.

– Да не собирался я обсуждать вашу работу. Мои вопросы никак не связаны с вашей профессиональной деятельностью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.